

Он хватается меня за плечи и хочет что-то сделать со мной. Плечи у меня голые, а руки у него жесткие. Я начинаю плакать. Я не знаю, чего он хочет. Я не вижу его лица, но слышу его голос. Он кричит что-то, но от страха я не понимаю и половины слов. Я пытаюсь вырваться и приседаю на корточки. Он отпускает меня, я падаю на пол. На мне красное платье. Сегодня мама надела на меня красное платье. Я ему ничего не сделала. Я не вижу его лица. Слышу два голоса. Слышу, как один мужчина говорит другому: «Не смей ее трогать». У него голос куда добрее и мягче, чем у того, другого. А я, сидя на полу, плачу. Вижу свое красное платье, вижу стол, вижу окно, вижу их ноги. Сажу на полу между ног двух мужчин. «Он тебя убьет!» — кричит один из мужчин. Он что-то еще говорит, но от страха я ничего не понимаю. Кроме того, он так громко кричит. Кажется, они говорят обо мне, но я ничего не могу понять. Сердце бешено бьется, и я прижала к этому месту руку. На одном из мужчин — синие брюки, на другом — зеленые. Вижу только брюки. Слышу голоса. Меня хотят убить. Меня убьют. Уж это-то я понимаю.

Глава 1

— Юля!

— Юлька!

— Июль!

...До нее доносились знакомые голоса — глухо, словно издалека. Она вздохнула еще раз — и поразилась, сколько наслаждения может доставить это действие. «Я, кажется, лежу на полу... Жестко. Но как хорошо! Я дышу!»

Кто-то взял ее руку. «Щупают мне пульс, — поняла она. — Как болит голова. Очень болит голова».

— Принесите наконец нашатырь! — прозвучал над ее ухом раздраженный женский голос.

— Дышит? — Теперь голос был мужской. Юлька беззвучно пошевелила губами. Это движение вызвало у столпившихся над нею людей взрыв эмоций.

— Она что-то сказала! — завизжала женщина, требовавшая нашатыря.

— А по-моему, Юлька просто послала нас подальше, — раздался мужской голос над самой Юлькиной головой.

ИНОГДА ПОЛЕЗНО ИМЕТЬ ПЛОХУЮ ПАМЯТЬ

«Это Макс, — узнала Юлька. — И он в чем-то прав. Как они все кричат, просто невыносимо!» И она открыла глаза. Первое, что она увидела, было страшное мужское лицо — снизу оно обросло каштановой лохматой бородкой, над нею ворочались круглые серые глаза, а рот был на лбу. Юлька взвизгнула и зажмурилась.

— В чем дело?! — испуганно спросил кто-то. «Вот именно, в чем дело? — подумала Юлька. — Что за урод?»

— Макс, она на тебя смотрела!

«Макс?!» — удивилась Юлька. Она открыла глаза и снова увидела над собой то же лицо. На этот раз она сдержалась и как следует рассмотрела его.

— А знаешь, Макс, — проговорила наконец девушка. — В неперевернутом виде ты мне нравишься куда больше!

— Представь, и ты мне тоже! — с готовностью откликнулся он. — Ведь я тебя сейчас вижу точно так же.

— Хватит вам! — взорвалась любительница нашатыря.

— Почему это хватит? — возмутился Макс. — Ей уже лучше. Ей всегда становится лучше от общения со мной. Это факт.

— Я хочу сесть! — сказала Юлька. Макс услужливо подхватил ее под мышки и усадил. Она смогла наконец оценить свое положение. Она сидела на полу, рядом валялся растоптанный кусок торта, а вокруг нее стояли люди — знакомые и не очень. Юлька потрясла головой и обратилась к Максусу:

— Ты что, не понял? Я хотела сесть куда-нибудь!

Девушка, требовавшая нашатыря, не выдержала:

— А еще друзья, называются! Отнесите ее на диван!

АННА МАЛЫШЕВА

— Сейчас она сама всех нас положит на диван, — с опаской в голосе заявил Макс. — По-моему, ей уже совсем хорошо, — и протянул ей руку.

Юлька ухватила за его руку и поднялась с пола.

— И долго это длилось? — Она посмотрела на столпившихся людей.

— Твой обморок? Минуты две.

— А мне казалось — целый час. С вашего позволения, я посижу вот тут, на диванчике. Надеюсь, никому не испортила вечеринки? Со мной это в первый раз.

Она с ногами забралась на диван в углу комнаты и оттуда милостиво кивнула собравшимся:

— Так на чем вы остановились?

— На том, как муж пошел за пивом! — начал Макс.

— Верно, — подтвердила Машуня. — Ты отключилась, когда дошло до «тра-ля, ца-ца...».

— Я говорю вполне серьезно, продолжайте! Я с удовольствием послушаю еще раз про то, как муж пошел за пивом.

— Серега, включай! — попросила Машуня парня, стоявшего рядом с магнитофоном.

— Юлька, а тебе опять не поплохет? — неуверенно спросил парень.

— Слушайте, я совершенно здорова, — возмутилась Юлька. — Развлекайтесь, говорю вам. У нас праздник или нет?!

— Ладно! — Сергей склонился над магнитофоном. — С той же цифры, маэстро... Дубль два... Начали!

Он подхватил под локти Машуню, и они лихо заплясали некий танец, который с натяжкой можно было счесть немецким и народным. Юлька с удовольствием наблюдала за ними. Потом к танцующим присоеди-

ИНОГДА ПОЛЕЗНО ИМЕТЬ ПЛОХУЮ ПАМЯТЬ

лись Гарик и Лида, потом — Наташа со своим мужем. Лавируя между танцующими, к дивану приблизился Макс со стаканом апельсинового сока в руке.

— На, выпей. — Он сунул стакан ей в руку и присел рядом. — Я кое-кого опередил.

— Ты о чем? — Юлька оторвалась от стакана.

— Я о том роковом молодом человеке, который сейчас стоит у стола. Видишь?

— Ну. Я же как раз с ним и танцевала, когда со мной приключился обморок. Так что же?

— Представь, он тоже хотел налить в стакан апельсинового сока. К счастью, кувшин был только один, и я его опередил. У нас вышел натуральный рыцарский турнир.

— Почему ты решил, что сок был для меня? — Юлька отдала ему пустой стакан.

— Он его не пьет, — коротко ответил Макс. — Я смотрел во все глаза, но он не сделал ни глоточка. Сначала я думал, что он хочет заглядить свою вину, ведь ты рухнула как раз во время пляски с ним. Я думал, может, он тебе ненароком на ногу наступил или сказал комплимент...

— Никуда он мне не наступил, и ничего он мне не сказал, — отрезала Юлька. — Может, он просто джентльмен.

Макс вздохнул. Помолчал, глядя на танцующих.

— Скажи, а ты не замечала, что год от года на наших собирушках становится все больше посторонних?

— Замечала, — кивнула Юлька. — Я против этого. Наш выпуск — это наш выпуск. Если Наташка приводит мужа, ее никто за это не осудит. Гарик вон тоже пришел с женой. Но если мы начнем таскать сюда кого попало... Правда, мы и времечко выбрали в этом году! — Юлька

тоскливо оглядела комнату. — Июль. Все поразъехались в отпуска. Остались только такие дураки-неучи, как мы с тобой...

— Оставим эту грустную тему. — Макс махнул рукой. — Меня сейчас интересует совсем другое.

— Что именно?

— Этот милый молодой человек... Ну, который не наступил тебе на ногу. Он-то каким боком здесь очутился?

— Кто его знает... — задумчиво протянула Юлька, разглядывая молодого человека, по-прежнему сиротливо стоявшего у стола. «Почему он не танцует? — мелькнуло у нее в голове. — Мог бы плясать с Гариковой женой. Как его зовут? Кажется, Женя... Евгений. Неплохо. И сам он недурен. Ну, почти красавец. Больше всего мне, пожалуй, нравится нос...»

— О чем задумалась, душа моя? — вежливо спросил Макс.

— Макс, как тебе нравится его нос? — напрямик спросила Юлька.

— Господи, чей?

— Да вон того самого парня, с которым я танцевала.

— Ничего. — Макс критически всмотрелся в парня. — Вполне нордический нос. И оба глаза на месте. Кажется, серые.

— Серо-голубые, — поправила его Юлька. — Мне лучше знать, я разглядела.

— Милая, я вижу, что-то тут неладно, — забеспокоился Макс. — Я, кажется, понимаю, почему ты грохнулась.

— Почему?

— Мимо пролетал Амур и поразил тебя своей стрелой.

ИНОГДА ПОЛЕЗНО ИМЕТЬ ПЛОХУЮ ПАМЯТЬ

— Ты идиот, Максик. Если что и летало в воздухе, так запах его одеколona. Он слишком сильно надушился. Впрочем, слушай, — сощурилась Юлька. — Он ведь, по твоим словам, тоже собирался принести мне сок? Разве не так?

— Зачем я это ляпнул? — затосковал Макс. — Почему в нем ты с первого взгляда нашла массу достоинств, а моих даже не замечаешь?

— Макс, скажу тебе, как женщина — мужчине, — загадочно произнесла Юлька. — Видишь ли... Я могу сколько угодно сидеть с тобой рядом... Не исключено, что мне захочется взять тебя за руку...

— Или пнуть меня в коленку, — подхватил Макс.

— Молчи, дурак!

— Все нежные чувства слились в твоем голосе, дорогая, — обиженно сказал Макс. — Почему именно я всегда у тебя дурак? Почему вот этот нордический принц не может оказаться беспросветным дурнем по сравнению со мной?

— Он уже не окажется дурнем, — возразила Юлька. — Я успела перемолвиться с ним парой слов и грохнулась в обморок.

— А о чем была пара слов?

— Знаешь, он сказал, что с самого начала вечеринки мечтал со мной потанцевать.

— Круто загнул! — уважительно заметил Макс. — Конечно, при таких условиях его любая женщина сочтет умницей и красавцем. Я бы так не смог завернуть. Врать не научен.

— Это, пожалуй, правда, — подумав, согласилась Юлька. — Сколько я тебя знаю, как ни соврешь — обязательно попадешься.

— Я был бы идеальным мужем, — вздохнул Макс. — Но на роль жениха пока не тяну. Ну не мечтаю я ни с кем танцевать с самого начала вечеринки! Если захочу потанцевать — пойду да приглашу. О чем тут мечтать? Глупые слова и заезженные, а действуют магически.

— Да, действуют... — согласилась Юлька.

— Погоди-ка, мы ушли от темы... — Макс полез в нагрудный карман рубашки и достал мятую сигарету. — Ты хотела мне что-то сказать, как женщина — мужчине.

— Ах да, верно... — Юлька призадумалась. — Ну вот, я могу сидеть с тобой рядом... Держать тебя за руку, беседовать о всякой всячине... Но у меня никогда не возникало желания... Ну, скажем, поцеловать тебя.

— Да ты ведь целовала! — изумился Макс. — Сколько раз!

— Дурень, в щечку, в нос, это все детские игры. Я люблю тебя братской любовью.

— А я тебя — сестринской, — проворчал Макс. — Продолжай.

— Макс, я тебе честно признаюсь. — Юлька приблизила губы к его уху. — Только не смейся. Знаешь, когда я с ним отплясывала... Я вдруг ужасно захотела, чтобы он меня поцеловал. Представляешь, ни с того ни с сего! Я безнравственная?

— Ты абсолютно безнравственная особа, — хмуро сказал Макс. — Стоит только вспомнить историю твоего первого падения...

— Ты так торжественно это называешь, — поморщилась Юлька. — Вся история того не стоит.

— Учти, дорогая, миллионы женщин не могут забыть своего первого мужчину.

ИНОГДА ПОЛЕЗНО ИМЕТЬ ПЛОХУЮ ПАМЯТЬ

— Ну, это при условии, что есть о чем вспомнить, — возразила Юлька. — Он оказался редкостным занудой, он мог говорить только о себе. Что же тут прикажешь вспоминать со слезами умиления?

— Экая ты неромантическая, — упрекнул ее Макс. — Ладно, допустим, что этот, с носом, окажется не так глуп. По-моему, начал он вполне профессионально.

— Слушай, Фрейд недоделанный, ты мне портишь всю романтику! — вскричала Юлька. — Я тебе говорю, как женщина — мужчине: он мне нра-вит-ся!

— Пас!

— Я ему — тоже! — победно заключила Юлька.

— Ты думаешь, из этого что-то может выйти? — критически заметил Макс. — Учти, у него вид профессионального пристава.

— Да? А почему же он ни к кому не пристаёт?

— Это вопрос. — Макс задумался. — Трудно допустить, что он в тебя с первого взгляда влюбился.

— Это почему?

— Видела бы ты себя!

Юлька схватилась руками за голову:

— Черт! Зеркало! Помаду! Умыться!

— Сначала помаду, а потом умыться? — удивился Макс. — Да, я никогда не вызывал у тебя таких странных желаний.

— Ты злодейский тип! — Юлька вскочила с дивана.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — Макс тоже под-нялся.

Юлька глянула на него и прочла в его всегда чуть на-смешливых глазах тень беспокойства. «Боже мой, — подумала она. — Если бы я его хоть капельку любила. Как бы мне было с ним хорошо. Увы, увы, увы...»

— Мне хорошо, — мягко сказала она. — До туалета сама дойду, не провожай.

— Юлька, ты не уходишь? — крикнул ей Гарик.

— Не дождешься. Готовьте румбу! Чтобы, когда я вернулась, она уже была! — Юлька триумфально удалилась в ванную. Заперлась и бросилась к зеркалу. «Блин, какая бледная поганка, — вздохнула она, глядя на свое отражение. — Зачем я родилась блондинкой, господи! У, анемичная морда!» Она символически плюнула в зеркало и открыла воду. Вымыла руки, прополоскала рот, обновила макияж и в полной боевой готовности вышла из ванной. Макс, ждавший ее у двери, дурачась, изобразил, что падает на пол.

— Что ты сделала?! — в ужасе вскрикнул он. — Это же сексуальный идиотизм! Что ты намалевала себе вместо рта?!

— Молчи, хомяк, — грозно сказала Юлька, надувая свои пухлые губы, ярко покрашенные алой помадой. — Неплохо же вышло, разве нет?

— Это значит признаться ему в любви, — обреченно сказал Макс. — Ты хоть понимаешь, что влюбилась?

— Частица черта в нас... заключена подчас... — замурлыкала Юлька. — Макс, я иду к нему, к моему герою.

Макс кинулся в столовую с криком:

— Тушите свет! Преклоните колени! Вот идет она — богиня одиннадцатого «А»! Милые дамы, никого не хотел обидеть, но это мое собственное субъективное мнение. Всем известно, что у меня дурной вкус.

— Сволочь. — С лучезарной улыбкой Юлька ткнула его кулаком в спину. Больше она ничего не успела сделать — герой ее мечты довольно бесцеремонно подхватил ее, и они энергично заплясали румбу. «Зачем я по-

Иногда полезно иметь плохую память

просила румбу? — страдальчески подумала Юлька, выдывая коленца. — Черт, надо было вальс. А танцует он неплохо».

Румба наконец кончилась, и она застыла посреди комнаты, с трудом переводя дух. Ее романтический герой тоже дышал шумно, как загнанный конь.

— Не присесть ли нам? — устало спросила она.

— Присядем! — охотно согласился Женя. «Светский разговор, — недовольно подумала Юлька. — А может, он действительно дурак? Э, нет! Так не пойдет. Ты хочешь, чтобы он был остроумен, как Макс, умен, как Эйнштейн, прыгал по крышам, как Жерар Филип, и был красив... Ну, тут я сдаюсь, красив — этого у него не отнимешь. Недурен, честное благородное слово. Только я-то чем ему приглянулась? Вон у Машуни — бюст на полкомнаты. А у Лидки глаза обалденные...»

— Юля...

— Да?

— Скажи... Это не я виноват в том, что ты упала?

— Хм... может, не будем об этом вспоминать? — Юлька нахмурилась. — Упала и упала.

— Но я...

— Да брось ты, забудь, ты не виноват... Не знаю, что это со мной приключилось... Какое-то удушье... Знаешь, даже ужас.

— Ужас?

— Да... Думаю, я испугалась, что задохнусь... А может, ужас сам по себе... В общем, страшно и неприятно... — Юлька вздохнула. — Ну и хватит. Лучше продолжим разговор с той точки, на которой он был прерван.

— Ты храбрая, — сказал он, глядя ей в глаза. «Действительно, очень красивые глаза, — определила она. —

И нос, конечно, тоже... Плечи что надо... И ум не совсем отсутствует...»

— Почему это я храбрая? — удивилась Юлька, когда до нее дошел смысл сказанных им слов.

— Потому что ты опять можешь упасть, — просто-душно сказал Женя.

— Я сижу, прошу заметить, — отрезала Юлька. — Так давай же. Неужели не о чем поговорить, кроме моего обморока?

— Как раз перед этим... — Он замялся.

— Назовем это час «икс», — кивнула Юлька.

— Хорошо, как раз перед «иксом» я сказал, что ты мне нравишься, как никогда не нравилась ни одна девушка на свете.

— Умру! — шепотом сказала Юлька. — Ты такого не говорил.

Он вздохнул.

— Верно, — признался Женя. — Не говорил. Но я надеялся все списать... На час «икс». Что ты забыла мои слова. А то бы я не решился так сразу тебе это сказать.

— Жень, — она потрясенно смотрела на него, — а ты знаешь хотя бы, что такого вообще не бывает?

— Чего? — грустно спросил он.

— Ну вот такого объяснения... Это в тысяча девятьсот девяносто пятом году от Рождества Христова! Если бы в девятнадцатом веке, я бы еще поняла...

— Юль, ты прости мне мою глупость. Но ведь я вижу тебя в первый раз и, может, больше не увижу. Вот я и испугался, что у меня не будет случая сказать тебе все это. Но все правда, хотя из-за нее я кажусь тебе или круглым дураком, или таким... знаешь... банальным приставалой.

Иногда полезно иметь плохую память

«Слава богу, не дурак, — с облегчением подумала Юлька. — Но может, тогда приставала? Тонкий прием — сразу подкинул мне такую идею. Смотрите, мол, какой я честный... А я вот не верю, и все тут».

— А почему это ты решил, что больше меня не увидишь? — томно проворковала она, эффектно (она это знала) выгибая подкрашенную бровь. Он откликнулся немедленно:

— А где гарантия, что ты захочешь со мной встречаться?

— И тебе будет легче помереть от неразделенной любви, если я буду все же о ней знать? — сощурилась Юлька.

— Легче, представь себе.

— И ты бы не стал бороться за свою любовь? — Она сделала весьма слащавое лицо. «Веду себя по-идиотски, — подумала Юля. — Что делать, я не тургеневская девушка... А жаль. Та на моем месте побледнела бы как полотно и убежала в сад. А на мне одних румян сколько, да и сада тут никакого нет...» — Учти, если ты безвольный, пассивный, склонный к пессимизму, то можешь считать, что твоя неразделенная любовь уже у тебя в кармане. Или в груди?

— Я ни то, ни другое, ни третье, — откликнулся Женя. — А насчет борьбы... Бывают такие случаи, когда бороться бесполезно, хоть ты тресни.

— Ты уже треснул? — поинтересовалась Юлька. — Ты с таким знанием дела говоришь об этом.

— Пока не треснул. — Женя вздохнул, и она отметила этот вздох как вполне естественный. «Как он еще меня терпит? — поразилась она. — Глупая, самодовольная, да еще и издеваюсь над ним почему зря».

— Слушай! — решительно сказала она. — Ты уж слишком в трагическом тоне начал этот разговор. Прямо похоронный марш. Вот я и предупреждаю тебя: развеселись хоть немножко. И тогда ты не треснешь, даю тебе слово!

«Не слишком ли открыто? — Юлька немного испугалась своей смелости. — Решит, пожалуй, что я по уши в него втюрилась. Интересно, в него многие влюбляются? И с кем он, кстати, пришел?»

Женя тем временем уже второй раз приглашал ее на медленный танец. Полуобнявшись, но все же сохраняя приличное расстояние, они кружились под «Демонического любовника» «Шокинг блю», и сердце у Юльки сладко таяло. «Мой Бог, как же мне повезло! С собой пригож, вежлив, только вот слишком уж активно рвется в бой... Немного подозрительно!»

Мимо нее в полумраке проплыл Макс, нежно обнявший высокую синеглазую Лиду. Увидев Юльку, он напустил на себя донельзя самодовольный вид и отвернулся. «Дохлый номер, Максик, — подумала Юлька. — Лидка не про тебя. Она мне в начале вечера сказала, что по ней со страшной силой сохнет один дипработник. И неудивительно. Такая красота! А вот Женя, хотя и не слепой, выбрал почему-то меня... Все это странно и удивительно...»

— Юля!

Увлечшись своими мыслями, она не сразу расслышала, что Женя ей что-то говорит.

— Что? — запоздало откликнулась она. — Прости, забылась!

— Юля, я спросил, можно ли проводить тебя домой?

— Как, прямо сейчас? — растерялась Юлька.

— Нет, потом, когда ты сама захочешь...